

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
МЫ ИЗ РОССИЙСКОЙ
ПОЛИЦИИ

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Мы из российской полиции
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=624655
Мы из российской полиции: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49159-9

Аннотация

ФСБ обратилась к полковникам Гурову и Крячко из Московского уголовного розыска с предложением сопровождать генерал-полковника Смирнова в поездке на международный симпозиум в Лондон. Легендарные сыскари согласились. Но заурядная с виду командировка оказалась чрезвычайно опасным мероприятием. Едва генерал и сопровождающие его сыщики сели в берлинский поезд, как на Смирнова одно за другим начались покушения. Гурову и Крячко пришлось взяться за опасное и запутанное расследование, которое в конечном итоге привело их в мрачные и жуткие лондонские трущобы, где даже мистер Холмс и доктор Ватсон чувствовали себя некомфортно...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	31
Глава 3	60
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Алексей Макеев, Николай Леонов Мы из российской полиции

Глава 1

Приглушенно постукивая колесами – что ни говори, а международный экспресс – это вам не задрипанная пригородная электричка, – вагон чуть покачивался и подрагивал на ходу. Поезд мчался сквозь ночную темень, унося в недрах своих синих, расписанных рекламными слоганами вагонов несколько сот человеческих душ, доверивших свою жизнь неведомым им машинистам, проводникам, путейцам... Учитывая поздний час, многие пассажиры уже легли спать. Но кто-то все еще читал книги и периодику, а кто-то, роскошничая в элитных купе, смотрел видео и телевизор. Кто-то просто болтал с соседями, обсуждая такие глобальные проблемы, как падение курса евро в связи с преддефолтным состоянием экономики Греции и Португалии, а также отказ знаменитого американского рэпера Дила Смогсли от гастролей в Европе. Это случилось из-за угроз исламистов, которых уязвили некоторые его песни, где он негативно высказался об исламском фундаментализме.

В одном из купе среднего класса, занятого тремя мужчинами, одному из которых было явно за семьдесят, а двум его спутникам – лет на тридцать меньше, никто спать не собирался, хотя по тому времени, какое сейчас было в их родных местах, не спали одни лишь ночные сторожа. И то из числа добросовестных. Сидя у окна, уже совсем седой мужчина со строгим, уверенным взглядом просматривал какой-то «высоколобый» философский журнал. В нем была заметна военная статья, но чувствовалась и подлинная, непоказная интеллигентность.

Сидевший напротив него попутчик – крупный, высокий, с умным, цепким взглядом и шарами бицепсов, распирающими короткие рукава белой спортивной майки, – вполне мог бы сойти за положительного героя какого-нибудь вестерна или боевика (Клинт Иствуд и Юл Бриннер «отдыхают»). «Герой вестерна», поглядывая в темное окно, за которым мелькали то какие-то поселки, то окна встречных поездов, время от времени о чем-то негромко перебрасывался лаконичными фразами с третьим из находившихся в купе.

Тоже еще достаточно молодой мужчина, сидевший на том же диване, что и отставник, ростом был несколько ниже своего визави, но его широкие плечи давали понять, что и он от природы физическими данными не обделен. Быстрый, хитроватый взгляд явного авантюриста скрашивала открытая жизнерадостная улыбка, временами озарявшая его лицо, что придавало ему неотразимое обаяние. Наверняка к ней не

могло бы остаться равнодушным большинство женщин. Что, в общем-то, и было на самом деле.

Соседи по вагону сразу же заметили эту троицу еще во время ее посадки в Берлине, сделав безошибочный вывод, что это, скорее всего, уроженцы Восточной Европы. И наверняка какие-нибудь научные работники, едущие на симпозиум.

Справедливости ради стоило бы сказать, что эти трое путешественников и в самом деле прибыли в Берлин из Москвы, дабы там, пересев на другой поезд, отправиться в Лондон с еще одной пересадкой в Париже. Не была ошибкой и принадлежность одного из них – а именно, отставника – к научной работе. Впрочем, занимался он наукой весьма специфического свойства – разработкой путей и методов проникновения в чужие секреты и тайны, преподавая в закрытом вузе, где готовились специалисты особого, разведывательного профиля. Лишь очень узкий круг лиц знал о том, что именно этот человек – автор и разработчик целого ряда блестящих разведывательных операций, проведенных советской, а позже и российской разведкой.

Его спутники тоже были не чужды науке и высоким технологиям. И тоже особого, специфического профиля – поиска и выявления тех, кто совершил нечто неприглядное, именуемое преступлением. Проще говоря, это были сыщики, или более официально – ведущие оперативные сотрудники Главного федерального управления уголовного розыска России.

Отложив журнал, отставник посмотрел в окно. Заметив светящееся неонем название небольшого полустанка, который экспресс не удостоил даже минутной остановки, он чуть заметно улыбнулся. Ему вспомнилось, как уже довольно давно, почти лет сорок назад, он точно так же ехал по этой самой дороге. Тогда он еще был довольно зеленым лейтенантом разведывательного спецподразделения Комитета госбезопасности, впервые оказавшимся за границей СССР. Впрочем, согласно документам он был англичанином с польскими корнями, который ездил на родину своих предков.

Случилось так, что в одном из крупных портовых городов Западной Европы довольно крепко погорел агент-нелегал, собиравший информацию о военно-морских группировках НАТО. И как погорел-то? Можно сказать, по дурости. Возвращаясь со встречи с завербованным им агентом из местных, он впопыхах залетел под знак, где и был остановлен дорожным полицейским. Опасаясь, что может привлечь слишком пристальное внимание полиции, а следом и контрразведки, он допустил непростительную глупость – попытался «замять дело», откупившись крупной купюрой. И тут же произошло именно то, чего он так опасался. На него был составлен протокол, который полиция передала в суд. Нелегала объявили находящимся под домашним арестом до судебного заседания, и тем же днем возле его дома зашустрили непонятные личности. Это могли быть только сотрудники контрразведывательных спецслужб.

Хорошо еще, он ухитрился предупредить Центр о своем фактически провале. Понимая, что его нужно срочно оттуда вытаскивать, было решено организовать побег. В операции по переброске нелегала к родным пенатам было задействовано несколько человек. Однако ее самая существенная часть, перемещение его за пределы квартиры и уход от возможной погони, была возложена на лейтенанта Смирнова – прежде всего потому, что он владел несколькими языками, по большей части европейскими, но еще и арабским, турецким и отчасти китайским. А еще Смирнов имел звание КМС по шоссейным гонкам, в совершенстве владел несколькими видами единоборств и вдобавок еще во время учебы в школе закончил юношескую театральную студию.

...Припарковавшийся у трехэтажного здания старой постройки на одной из улочек, примыкающих к порту, фургончик ремонтника бытовой техники едва ли у кого мог вызвать подозрение. Как и его шофер – улыбчивый парень в синем комбинезоне, который, насвистывая один из последних шлягеров Шарля Азнавура, с безмятежным видом прошел в подъезд. Агент контрразведки, который направился следом за ним, обнаружив, что ремонтник скрылся за дверью квартиры этажом ниже, чем та, за которой ему поручили приглядывать, скучающе позевывая, вернулся на исходные позиции.

Не вызвали его подозрений и трое проживавших в этом подъезде мужчин, которые помогли ремонтнику вынести

упакованный в гофрокартон чей-то неисправный холодильник. Сияя приятельской улыбкой, тот обменялся с каждым из них рукопожатием и, сев в кабину, уехал. Лишь спустя минут десять до контрразведчика дошло, что зря он так ослабился. Вбежав на третий этаж, он обнаружил, что обвиняемый в попытке дать взятку представителю дорожной полиции куда-то бесследно исчез.

«Поставленные на уши» и полиция, и контрразведка очень скоро нашли брошенный за городом автофургончик, рядом с которым валялась пустая коробка из-под холодильника с размашистой язвительной надписью на французском: «Мерси, ажан! Ку-ку!» Вбешенные этой издевкой спецслужбисты утроили свои усилия по поиску и поимке – теперь уже само собой разумеется! – агентов КГБ и Варшавского договора. Они уже заранее знали, что таковыми могут быть только русские. К примеру, пунктуальные немцы из восточногерманской «Штази» работали чрезвычайно чисто и крайне педантично, не допуская и тени подобного шпионского хулиганства.

Ближе к вечеру того же дня полицейский патруль засек подозрительный «Ситроен», за которым тут же начал погоню. Трое ажанов, уже заранее предвкушавших повышение по званию и всевозможные почести, очень скоро поняли, что имеют дело не со вчерашним выпускником захолустной автошколы, а с опытным гонщиком, знающим толк в скоростных трассах. Летя на бешеной скорости по серпантину гор-

ных дорог, «Ситроен» каким-то неведомым образом удерживался на асфальтовом полотне, выписывая на поворотах немыслимые виражи.

Полицейский, сидевший за рулем, крайне раздраженный тем, что их экипаж постепенно начал отставать и терять из виду машину беглецов, прибавил ходу и, не удержавшись на очередном повороте, кувыркнулся под откос. Несколько раз перевернувшись на относительно пологом склоне, полицейская машина остановилась далеко внизу, привалившись к толстому стволу вековой сосны. Подоспевшие спасатели констатировали многочисленные переломы всех троих, сидевших в полицейской машине. Водителю не повезло больше всего – не приходя в сознание, он скончался на месте.

Поймать беглецов ни полицейским, ни контрразведке так и не удалось – они словно растворились в воздухе. Но несколько месяцев спустя эта история получила свое неожиданное продолжение. Перебежчик из московских разведслужб рассказал своим новым хозяевам истинную подоплеку той истории со взяткой, побегом подозреваемого и автокатастрофой. Это стало, можно сказать, взрывом бомбы в западных СМИ. И если левые язвили по поводу полного провала известной маккартистской доктрины, согласно которой надлежало «искать шпионов под собственной кроватью», то правые, брызжа слюной, жаждали сатисфакции. В Москву посыпались ноты и запросы, протесты и меморандумы... Советскую разведку обвиняли в банальной уголовщине, пыта-

ьясь приписать ее агентуре вину за гибель полицейского. Кое-кто даже требовал выдачи Смирнова для предания его суду. Хотя заранее было ясно – эти притязания настолько бессмысленны, что никто не будет их даже рассматривать.

Но с той поры рассекреченный Смирнов работал исключительно на Ближнем Востоке. Правда, уже значительно позже, замаскированного солидной бородой, его отправили нелегалом в Лондон, где он в течение пары лет блестяще выполнил уйму заданий Центра. Мог бы поработать и еще, но очередной предатель рассекретил и эту его миссию. Исчезнув с берегов туманного Альбиона без шума и погонь, он стал преподавателем вуза особого профиля.

Как же давно он не был в Лондоне! Интересно, как сейчас поживает Дебора Маклаймли, с которой у него тогда завязался скоротечный роман? Для прикрытия он устроился работать агентом в одну крупную страховую фирму, а Дебора, несмотря на молодость – ей было всего двадцать пять, – уже заведовала отделом, в котором он и обосновался. Какие это были дни! Они гуляли по набережной Темзы, катались на аттракционах, сидели в кафе и ресторанах. В такие моменты Эдвард Гроу даже забывал, что он – советский разведчик Алексей Смирнов, что дома его ждет жена и трое «архаровцев».

И вот он снова едет в Лондон. Уже совершенно официально, под своим законным именем. За прошедшие десятилетия в мире изменилось многое. Тогдашние надуманные обвине-

ния в отношении него даже за давностью лет утратили свою силу. И если ранее люди его профессии пожизненно были «невъездными», то теперь, выйдя в отставку, по прошествии определенного срока, он смог отправиться за рубеж. Хотя... Кое-какие меры безопасности он все же предпринял. Мало ли что? Как говорится, на бога надейся, да и сам-то не плошай.

...В окне вновь замелькали огни фонарей, подъезжая к какой-то станции, поезд начал замедлять ход. Сопровождающий Смирнова – «герой вестерна» – повел плечами, разминая застоявшиеся мышцы, и, отодвинув вбок дверь купе, вышел в коридор. Он только собрался задвинуть ее на место, как внезапно услышал приглушенный женский вскрик, донесшийся из соседнего купе, и не очень громкий хлопок, словно там откупорили бутылку шампанского.

– Ни хрена себе! – воскликнул его напарник, глядя на дыру с развороченными краями в простенке купе, у которого он сидел, прислонившись к нему спиной. – Лева, ты глянь, что тут творится – от соседей из пистолета кто-то шмальнул!.. Стенку – насквозь, пуля вон там засела...

– Похоже, кого-то там убили... – озабоченно отметил тот, дергая дверь соседнего купе. – Стас, гони за проводником! А я попробую как-нибудь открыть – вдруг кого-то там еще можно спасти?

– Ага! Понял!

Станислав Крячко, сорвавшись с места, помчался в ко-

нец коридора, где находилось купе проводника. А Лев Гуров, несколько раз рванув за ручку, внезапно услышал хруст; что-то щелкнуло, и дверь наконец-то, как бы нехотя, отъехала вбок, открывая картину весьма жутковатого свойства. У открытого окна, повалившись на столик, залитый кровью, лицом к двери лежал мужчина с пулевым отверстием во лбу. Справа от входа на диване лежала совсем еще молодая женщина. У нее была пробита грудь – судя по всему, убийца попал точно в сердце. Ее одежда, весь диван с постельными принадлежностями и пол у дивана также были в крови.

– Что здесь такое? – выйдя из купе, сдержанно поинтересовался Смирнов.

– Два труп... Алексей Юрьевич, очень прошу вас вернуться в купе и закрыть за собой дверь, – оглянувшись, негромко произнес Гуров. – Что-то мне подсказывает – все это неспроста.

– Хорошо... – кивнул тот, неспешно возвращаясь назад.

Громко топая, примчался Крячко с известием о том, что проводника почему-то нигде найти не удалось, поэтому он, как сумел, объяснил ситуацию проводнику из соседнего вагона и попросил того срочно вызвать полицию. Осмотрев купе, Стас присвистнул – даже в России такое нечасто увидишь. А уж в «толерантно-либерально-демократичной» Европе столкнуться с подобным и вовсе не ожидалось.

– Охренеть! – односложно выразил он свое впечатление. – Кто ж это их и за что мог замочить-то? Мужик-то убитый,

как я вижу, не беднячок – вон, и перстни золотые, и костюмчик – е-мое... А эта молодая... Она ехала с ним или была сама по себе?

– Думаю, с ним... – вновь и вновь осматривая купе, уверенно отметил Лев. – Видишь, сходство в лицах и фигуре? Скорее всего, это отец и дочь. А вот за что их могли убить... Тут надо думать. Возможно, это была чья-то месть. Но уж никак не ограбление – обрати внимание: все золото на них цело. Вещи на своих местах – в них никто не рылся. Или это...

– Что, может быть еще и «или»? – Крячко вопросительно посмотрел на приятеля.

– Или это ошибка киллера, – Гуров пожал плечами. – Этого тоже исключать нельзя.

– Хм... В самом деле... Нет, ты глянь, он же на нашего Алексея Юрьевича вон как похож! Ни хрена себе, фокусы-мокусы... Да, Лев, как ни верти, а тут ты стопудово прав, – еще раз взглянув на убитого, согласился Стас. – Выходит, этот мочила шел к нам и просто ошибся номером купе? Прикол...

Заглянув в купе, проходившая мимо почтенного вида фрау схватила за голову и заохала:

– Майн готт! О, майн готт!

Тут же подбежали двое долговязых разбитных парней, на ходу достающих телефоны с цифровыми камерами.

– Вас ист дас? – переглядываясь, загалдели они, успев сде-

лать по снимку.

Понимая, что может собраться толпа любопытствующих, которая тут вовсе ни к чему, Лев решительно закрыл купе, пояснив на вполне сносном немецком, что сейчас сюда должна прибыть полиция, и поднимать панику среди пассажиров не стоило бы. В этот момент и в самом деле в конце коридора показалась группа людей как в полицейской форме, так и в штатском, сопровождаемых важным герром в железнодорожной униформе – скорее всего, начальником экспресса.

* * *

...В кабинете начальника Главного управления уголовно-го розыска уже около получаса шла беседа его хозяина, генерал-лейтенанта Петра Орлова, с гостем – каким-то мужчиной в штатском костюме, имеющим хорошо заметную военную выправку. Гость в чем-то горячо убеждал генерала, а тот, хмурясь и сомневаясь, выдвигал свои встречные резоны.

– Ну а мы без них что все это время будем делать? – разводя руками, доказывал Орлов. – Пойти вам навстречу – это все равно что хирургу отдать кому-то свой самый ценный скальпель, а потом выполнять операции при помощи кухонного ножа. Без этих оперов мы как без рук. Понимаете?

– Да все я понимаю... – устало вздохнул тот. – Но это личная просьба генерал-полковника Смирнова. Алексей Юрьевич сам собирался заехать к вам, но он сейчас в английском

консульстве решает вопросы въезда в Великобританию – там ведь требуется личное присутствие. Поэтому послал меня. Эта поездка займет не более пяти дней. Петр Николаевич, но ведь ваши опера, скорее всего, и в обычное время берут отгулы, выходные, уходят в отпуска... В этот период вы же без них как-то обходитесь?

– Ой! – Генерал потряс головой и отмахнулся. – Я только услышу слово «отпуск», как меня тут же начинает колотить. Работы бездна, а такие асы у меня наперечет... Ладно, считайте, что меня вы уговорили. Теперь мне надо будет суметь уговорить их самих. Ох, и подкинули вы мне задачку!

...Старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Лев Гуров сидел за столом в обычной городской квартире, в упор разглядывая сидевшего напротив него угрюмого типа, скованные наручниками руки которого синели всевозможными наколками – перстнями на пальцах, акулами, пауками, крестами, русалками и тому подобным на предплечьях и плечах. Тот неуютно поеживался и, набывчившись, не отрывал взгляда от пачек денег и каких-то бумаг, лежащих на столе. Тем временем другой оперуполномоченный того же главка, полковник Станислав Крячко, обследуя квартиру, заглядывал в шкафы, ящики импортной стенки, всевозможные углы и закоулки.

– Значит, Хашиев, помочь нам ты не желаешь, – прервав затянувшееся молчание, Гуров понимающе покачал головой. – Решил пойти в неосознанку в надежде на то, что все

равно много не дадут, а у братвы будешь в уважении и авторитете. Я прав?

– А этого мало? – криво ухмыльнулся тот, не отрывая взгляда от стола. – За авторитет люди на кон жизнь ставят. Нет авторитета – нет и тебя самого. Но вам, ментам, этого не понять.

– Прошу понятых подойти сюда! – неожиданно послышался голос Станислава. – Внимание! Из этой емкости сейчас высыпаю на пол крупу. И что мы обнаруживаем на дне? А?

К нему приблизились старенький дедок и молодая женщина, приглашенные из квартиры напротив. Крячко тряхнул большую пластмассовую банку, и на холмик перловки плюхнулся пистолет, завернутый в прозрачный полиэтилен.

– Итак, в данной емкости был обнаружен спрятанный под крупной пистолет марки «ПМ», – объявил Крячко, указывая на свою находку. – Что скажешь, Хашиев?

– Первый раз его вижу... – зло скривился тот.

– Неужели? – саркастично рассмеялся Гуров. – Даже если на нем нет твоих отпечатков, привязать его к тебе проще простого. Эту квартиру ты сколько снимаешь? Уже два месяца. Других жильцов здесь не было? Нет. Значит, оружие может быть только твоим. А оно, я так думаю, пройдет не по одному делу. Представляю, сколько «висяков» придется забирать из архива!

– Не пугай, начальник! – вновь ухмыльнувшись, едко про-

цедил Хашиев. – Ничего ты не докажешь.

– Опа! – неожиданно воскликнул Стас, под разными углами рассматривая пистолет. – Есть отпечаточек. И, главное, какой четкий! Ну, что ж, если с твоими он не совпадет, то, считай, ты и вправду вышел сухим из воды.

Услышанное, как видно, не на шутку переполошило задержанного. Он беспокойно заоглядывался, нервно задержав руками. Его лицо сразу же помрачнело, и на нем появилась гримаса крайней досады. Издав хриплое, негодующее междометие, он яростно стукнул по столу кулаками.

– А-а-а!.. Мать его так!!! Повезло вам, ментяры... Ну, и чего вы хотите от меня?

– Сказать, кто такой Конфуций, как его найти и что он собирается предпринять в ближайшее время, – с олимпийским спокойствием уведомил его Лев.

Схватившись за голову, Хашиев скривился и зажмурился. ...Таких ограблений Москва знавала не много. Среди бела дня, на оживленной улице, из специального бронированного автомобиля, сопровождаемого вооруженной охраной, бесследно исчезли фамильные драгоценности одной из ближневосточных монархий, которые предполагалось выставить в Кремле. Стоимость исчезнувшего оценивалась в сотни миллионов долларов. Ну а историческая и культурная ценность древних украшений восточных мастеров и вовсе была неисчислимой.

Срочно отозванные с выходных Гуров и Крячко во гла-

ве мощной бригады оперов, выделенных в их распоряжение, за несколько дней буквально перелопатили столицу, попутно раскрыв не менее десятка преступлений, некоторые были давно забытыми «висяками». Работа шла днем и ночью – под вопросом стоял престиж всей России. Информация об этом похищении, просочившись в западные СМИ, наделала шуму не меньше, чем годичной давности «пятидневная» война в Закавказье.

Отсекая массу ложных версий, в конечном итоге Лев и Станислав выбрали единственно верную: хищение совершила совсем недавно образованная гангстерская группировка (возможно даже, исключительно для этой цели и созданная), связанная с крупными чинушами из федерального ведомства, занимающегося культурой. Кроме того, предположили они, банда могла получить ту или иную помощь от представителей исламских фундаменталистских группировок, заинтересованных в ухудшении отношений России с Ближним Востоком.

И в самом деле, очень скоро они вышли на высокопоставленного чиновника, на зарубежных счетах которого невесть откуда вдруг появились крупные поступления. На первой же встрече тот «раскололся», признавшись в том, что эти деньги – плата за подробные сведения о сокровищах, привезенных в Россию. Но он поклялся, что ни разу не видел в лицо покупателя информации. Схема сделки была незамысловатой. Чиновнику позвонил неизвестный и предложил куш

в миллион долларов. Тот согласился, и на его счета тут же поступила обещанная сумма. В нужный момент чиновнику еще раз позвонили, и он сообщил все, что интересовало заочного покупателя.

Изучив круг родственников и знакомых самого чиновника, а также членов его семьи, опера заинтересовались неким Арнольдом Дамкиным, одним из ухажеров дочери чиновника. Как оказалось, тот владел антикварным магазинчиком, а пару лет назад отбывал срок за сбыт похищенных картин. Но встретиться с ним операм не удалось – его нашли убитым в собственной квартире. Тем не менее это позволило сделать вывод: следствие на правильном пути. Из числа знакомых, теперь уже Дамкина, был выделен некий Джебраил Алабеков, бывший подельник убитого, член исламистской националистической группировки «Черные соколы», контролировавшейся ваххабитами.

Именно от Джебраила удалось узнать о том, что похищение организовал некий авторитетный пахан по кличке Конфуций. Желая смягчить свою участь – за убийство Дамкина ему светил немалый срок, – Алабеков назвал и одного из рядовых членов группировки Конфуция. И уже от того опера наконец-то узнали, как именно было совершено похищение.

Оказалось, что сообщниками бандитов были двое охранников, которые, незаметно усыпив аэрозольным спецсредством всех, кто находился в «сейфе на колесах», ухитрились вскрыть внутренний сейф бронефургона и через специаль-

ный люк передать шкатулки с драгоценностями своим сообщникам. Затем они и сами прикинулись пострадавшими от усыпляющего газа. Будучи подготовленными особым образом – путем специального кодирования под гипнозом, – «оборотни» сумели обмануть полиграф, через который пропустили всех участников транспортировки, и остаться вне подозрений.

От этого же бандита удалось узнать и имя «правой руки» Конфуция – налетчика со стажем Хашиева по кличке Пегий. И вот Пегий в руках оперов. Его задержали в снимавшейся им квартире в тот момент, когда Хашиев, собрав свои вещи, уже собирался ее покинуть.

– ...Я повторяю свой вопрос, – строго отчеканил Гуров. – Кто такой Конфуций?

– Конфуций – это Роман Поставин, – вздыхая и морщась, с трудом выдавил бандит. – Сейчас он залег в Замоскворечье, завтра-послезавтра на пароходе отчалит в Астрахань. Оттуда на скоростном катере – в нейтральные воды, и дальше по Каспию в Баку.

– Поставин? – Стас с сомнением пожал плечами. – Так он же погиб в ДТП, сгорел в машине... Это ж тот, которого кликали Тротилом?

– Он самый. Только в машине-то сгорел другой, а Ромка жив-здоров и еще нас с вами переживет... – угрюмо усмехнулся Хашиев. – Хитрый, как черт... Отлежался, поменял ксиву – сейчас он Михаил Замесов, – сменил погоняло, и

снова вперед!

Созвонившись с Орловым, Лев вкратце сообщил об услышанном от Пегого. Он предполагал, что Конфуций, будучи чрезвычайно осторожным и недоверчивым, обязательно попытается связаться с Пегим, чтобы постоянно «держать нос по ветру». И если главарь заподозрит, что его «кореш» в руках оперативников, то вновь начнет обрывать нити и путать следы. По его мнению, следовало каким-то образом обыграть задержание Хашиева, чтобы Поставин был уверен: с этого конца ему уже ничто не угрожает.

– Что, если разыграть попытку его задержания, при которой он покончил с собой, скажем, взрывом гранаты? – выйдя в прихожую, вполголоса говорил Гуров. – Пусть будет небольшой пожарчик, выедут пожарные и «Скорая»... Наши пусть подъедут, повоюют сиренами, помигают маячками... И сразу же дать информацию на радио и телевидение. Как смотришь? Понятых мы сейчас можем соответствующим образом проинструктировать. В общем, есть резон расквитаться с Поставиным его же собственной монетой.

– Действуйте! – решительно поддержал Петр. – Лева, когда с Хашиевым закончите, зайдите ко мне.

...Полуденной порой одна из тихих московских улочек огласилась непонятным грохотом, сопровождаемым звоном битого стекла. Из окна на третьем этаже старой девятиэтажки вырвались клубы дыма и языки огня. Через минуту примчались пожарные, машины «Скорой», милиция. В глазах

прохожих рябило от блеска маячков, уши резало от звуков спецсирен. А еще через полчаса по радио и телевидению прошли экстренные выпуски новостей, в которых рассказывалось о чрезвычайном происшествии в Кузьмином переулке, где попытка задержать матерого преступника обернулась взрывом и пожаром.

– По информации правоохранительных органов, которую нам удалось получить с большим трудом, некто Хашиев, шестьдесят пятого года рождения, уроженец одной из республик Северного Кавказа, – на одном из новостных телеканалов рассказывала строгого вида молодая дикторша, – при попытке задержания опергруппой городского УВД произвел подрыв ручной гранаты, в результате чего погиб на месте. Согласно неофициальным данным Хашиев был причастен к недавнему похищению фамильных ценностей эмира Заура Эль Джуми и был единственной ниточкой, которая могла бы позволить раскрыть данное преступление. Впрочем, официально милицейское руководство данную информацию категорически отрицает.

Вскоре появилась информация о том, что некий Михаил Замесов приобрел билет в каюту класса люкс туристического теплохода «Юрий Долгорукий», этим же вечером отбывающего вниз по Волге до Астрахани. Зайдя перекусить в кафе, Лев Гуров и Станислав Крячко обсуждали варианты того, как без шумихи и стрельбы взять Тротила-Конфуция, и в этот момент поступил звонок от генерала Орлова.

Войдя в кабинет Петра, донельзя довольные жизнью и всем сущим, опера с удивлением обнаружили на лице своего начальника-приятеля не вполне соответствующую моменту кисловато-досадливую мину.

— Ешкин кот! — плюхаясь в кресло, с озабоченной ироничностью констатировал Стас. — Ты глянь, Лева! Наш Петр являет собой картину «Не было печали — черти накачали». С чего такой грустный?

— Чует моя душенька, что сейчас он нам скажет такое, отчего нам с тобой сразу же поплохееет, — внимательно посмотрев на генерала, усмехнулся Гуров. — Это даже не лицо, а живая иллюстрация к «замечательной» новости: вдобавок к неиспользованным прежним выходным вы остаетесь и без последующих. Я угадал?

Тягостно вздохнув в ответ, Орлов молча развел руками. Опера, разом переглянувшись, выжидающе воззрились в его сторону.

— Ну да, ну да, все верно... — занудливым тоном подтвердил Петр, глядя куда-то в потолок, словно узрел прописанные на нем какие-то великие истины. — Так оно все и есть — выходных, увы, в ближайшую неделю вам не предвидится. В общем, ребята, есть не совсем обычное дело, которое меня попросили вам поручить.

— Хм... с каждой минутой становится все интереснее... — язвительно хохотнул Крячко.

— Да нет, мужики! Я и сам сопротивлялся до последнего,

доказывал, убеждал... Но аргументы другой стороны оказались слишком убедительными... – заунывно начал свое повествование генерал, однако Гуров его не совсем вежливо перебил:

– А если без долгих предисловий и зачинов от Матфея и Луки?

– Если без предисловий, то вам предстоит стать сопровождающими одного заслуженного человека, который едет за рубеж по очень серьезному делу, – уже с нотками раздражения отрубил Петр.

– Чего, чего?!

Опера вновь переглянулись. При этом на их лицах было написано: кто-то из наших «шишек» явно обветшал умишком. В кабинете повисла недоуменная тишина.

– Мужики, я бы и сам воспринял такую новость как хохму, но это и в самом деле более чем серьезно, – уже деловито заговорил Орлов. – Суть дела такова. Через несколько дней в Лондоне состоится международный саммит сотрудников спецслужб разных стран. Причем отставных, уже отошедших от своих шпионских дел. Для чего проводится это мероприятие? Ну, тут все нацелено на укрепление, так сказать, мира во всем мире. В общем, устроители решили, задействовав опыт «патриархов шпионажа», выработать рекомендации правительствам стран и некоторым структурам ООН по преодолению глобальной террористической угрозы.

– Ни хрена себе!... – На лице Стаса блуждала растерян-

но-озадаченная улыбка. — Такое я видел только в одной перестроечной комедии, про «братский союз ЦРУ и КГБ». Не, ну это ж надо! Лева, подтверди: мир окончательно сошел с ума.

— Похоже на то... — кивнул Гуров.

— Сошел — не сошел... Это пусть философы решают. А мы — люди государевы. И нам надлежит, не кочевряжась и не супротивствуя, исполнять порученное, — в былинно-эпическом ключе заключил Петр. — Короче говоря, вы едете сопровождающими генерал-полковника в отставке Смирнова Алексея Юрьевича.

— Стоп! Это не тот ли... — начал вспоминать Лев.

Но Орлов его опередил.

— Тот самый, тот самый! — подтвердил он.

...Несколько лет назад в одном из городов Подмосковья произошло загадочное убийство. На глухой лесной поляне в окружении четырех кострищ было найдено тело молодого парня, совсем недавно заявленного его близкими в розыск. Как выяснилось в дальнейшем, он был сыном крупного военного чина из структуры внешней разведки. Гуров и Крячко в течение нескольких дней раскрыли это преступление, разоблачив тоталитарную секту, маскировавшуюся под некий спортивный клуб. Согласно ритуалам этой секты, четыре раза в год — в моменты сезонного солнцестояния — должны были совершаться человеческие жертвоприношения. И если ранее принесенные в жертву местной, не очень склонной

утруждать себя своими прямыми обязанностями милицией списывались то на суицид, то на несчастные случаи, сына известных людей «запротоколить», как это называлось на жаргоне бездельников при погонах, уже не удалось.

– ...Алексей Юрьевич сам попросил нас об этой услуге, – побарабанив пальцами по столу, пояснил Петр. – Он уже и на министра выходил. Мне, кстати, недавно звонили, рекомендовали пойти ему навстречу. Более того, на вас уже оформлены загранпаспорта и в данный момент решается вопрос с визами.

– Норма-а-а-льно! – захохотал Станислав. – Без меня меня женили, и в постелю уложили... Слушай, Петро, а почему выбор пал именно на нас? Нет, раз уж и паспорта состряпали – куда ж теперь денешься? Просто интересно: с каких это пор операми начали подменять профессиональных охранников? Ну, если он из разведслужб, в их-то системе, я думаю, можно было бы найти парочку Джеймс Бондов, которые куда лучше нас слевой справились бы с этим делом. В чем тут фишка?

– Суть такова. Ему хоть и за семьдесят, но он за себя постоять еще может – любого молодого каратиста уделает. Однако он едет на некое мероприятие, где не исключены самые разные подставы и провокации. Вы меня понимаете? Нужны спецы именно сыскного дела, с хорошим чутьем и развитой интуицией по части расследования всевозможного криминала. Ему нужна хорошая подстраховка именно на такой случай. Я думаю, что если бы дело упиралось, например, в

какие-то медицинские проблемы, то он бы, сами понимаете, запросил с собой парочку опытных полевых лекарей, способных с ходу поставить правильный диагноз и голыми руками сделать операцию. Но в данном случае нужны именно асы-сыскари. И вы на эту роль подошли как нельзя лучше.

– Ладно, убедил... – Гуров махнул рукой. – Когда и откуда выезжаем?

– Это вы узнаете от самого Алексея Юрьевича. Но, скорее всего, завтра утром. Он вас будет ждать вот по этому адресу в восемнадцать ноль-ноль. Все, ребята, свободны!

Опера в очередной раз ошарашенно переглянулись.

– Петро, ау! – Крячко пощелкал в воздухе пальцами правой руки наподобие того, как это делают психиатры. – Как это свободны?! А кто ж будет брать Конфуция-Тротила? Ну ладно, у нас слевой от такой обалденной новости в мозгах полное «заё». Но ты-то чего тормозишь? Если мы сейчас все бросаем и начинаем собираться в дорогу, то кто ж тогда завершит операцию?

– Хм... Ну, вы же не одни работали! Ваши помощники, Куликов и Дорохов, с этим вполне справятся. Преступник установлен, его дальнейшие действия известны. Чего ж еще-то? Остался чисто технический момент – взять его и вернуть похищенное. Мужики, как вы считаете: конструктору современного самолета самому надо заниматься его сборкой? Наверное, нет. Вот и вас использовать для проведения задержаний – слишком большая роскошь. Вы у нас прежде всего

– опыт, интуиция, смекалка. А ребят с бицепсами для задержания найдется предостаточно.

– Ну, ты смотри, как он нас умаслил... – Смеясь, Гуров поднялся с кресла. – Ладно, пока!..

Прибыв к назначенному времени в один из спальных районов, приятели поднялись на третий этаж еще достаточно новой многоэтажки современного вида и позвонили в квартиру с типичной для современной Москвы металлической дверью, обклеенной пластиком «под дерево». Дверь тут же распахнулась, и опера увидели перед собой моложавого вида, но уже седого мужчину с короткой военной стрижкой и уверенной, сильной фигурой. Назвать такого дедом, несмотря на возраст, язык у любого наверняка вряд ли повернулся бы.

Ответив на их приветствие, Смирнов отметил, что приятно удивлен исключительной пунктуальностью милицейских работников.

– Думаю, мы с вами обязательно найдем общий язык, – приглашая выпить кофе (и не только кофе), резюмировал хозяин дома. – Если позволите, для начала обрисую тот круг вопросов, решение которых хотелось бы поручить именно вам.

Общаясь с генерал-полковником, Лев совершенно не чувствовал в нем чего-либо специфически «генеральского». Разумеется, и осанка, и некоторая твердость в том, как Смирнов излагал свои мысли, давали понять, что это человек во-

енный. Но в любом случае Алексей Юрьевич больше напоминал какого-нибудь академика, нежели «многозвездного» генерала.

По словам Смирнова, в операх его привлек не только их высокий профессионализм, но еще и порядочность, а также равнодушие к людям.

— Всякий человек, без конца сталкивающийся с чужой болью, рано или поздно привыкает к этому. Случается даже, черствеет и проникается безразличием к чужой беде. Вас я видел мельком, но мне и этого хватило, чтобы сделать вывод: парни отличные. На таких положиться можно. И вот теперь, когда сложилась такая, в общем-то, непростая ситуация, я решил в качестве, так сказать, группы поддержки, взять вас. Скажу по секрету: из нашей «конторы» подстраховка по мере возможности обещана. Но... Кто знает, с чем нам придется там столкнуться?

Договорившись встретиться утром на Белорусском вокзале, опера отбыли по домам.

Глава 2

...Кто бы из них в тот момент мог подумать, что уже в пути они столкнутся с таким, мягко говоря, неординарным происшествием? Непонятно кем, непонятно за что были убиты пассажиры соседнего купе.

– Что здесь случилось? – строго спросил у оперов полицейский чин с офицерскими погонами.

Лев в нескольких словах на немецком изложил суть случившегося, свидетелями чего им довелось стать. Выслушав его, офицер неожиданно спросил по-русски:

– Вы из России? Здорово, земляки. Я тоже оттуда, меня зовут Константин Бауэр. Так, значит, говорите, убитая успела вскрикнуть, после чего прозвучал выстрел?

– Да, похоже на то, что тут работал киллер не абы какой, – доставая свое удостоверение, констатировал Гуров. – Мы со Станиславом работаем в уголовном розыске и уже успели сделать кое-какие выводы.

– Очень интересно... – уступив дорогу эксперту-криминалисту, который бочком прошел в купе, кивнул Константин.

– Вероятнее всего, убийца действовал под видом кого-то из обслуживающего персонала, – уверенно предположил Лев. – Поэтому-то эти двое, впусив его в купе, не успели отреагировать на оружие, которым он воспользовался. Пистолет, безусловно, был с глушителем. Ну а после этого убийца

ушел через окно. Скорость поезда уже была небольшая, а у него явно хорошая физическая подготовка. Сейчас полковник Крячко пытался найти проводника, но того нигде нет. Отсюда мысль: а не связан ли он с киллером? Думаю, обязательно надо осмотреть его служебное купе.

Нахмурившись, Константин по-немецки тут же отдал распоряжение одному из своих сотрудников, и тот вместе с начальником экспресса поспешил к блоку служебных купе.

– Кстати, я могу описать внешний вид предполагаемого убийцы, – вступил в разговор Станислав. – Около часа назад я видел какого-то типа азиатской наружности, который проходил по коридору, всматриваясь в двери купе, как будто или что-то искал, или запоминал. Самое интересное то, что я его уже где-то видел. Но почему-то никак не могу вспомнить – где и когда...

Пока он излагал словесный портрет подозрительного типа, назад вернулись встревоженные начальник поезда и помощник Константина. Они уведомили, что проводник Хасан Эфенди бесследно исчез, а в его купе, в вещевом ящике под спальным местом обнаружен лишенный верхней одежды труп стюарда Пауля Дица, который, судя по странгуляционной борозде на шее, был задушен куском крепкого шнура.

– Надо думать, этот Эфенди был всего лишь сообщником, – уверенно определил Крячко. – Главным тут был киллер. Когда мы сели на поезд в Берлине, я краем глаза заметил, как проводник о чем-то рассусоливал с этим типом.

Меня еще удивило, с чего бы это пассажир разговаривает с проводником, как какой-нибудь фон-барон.

Закончив свою работу в купе с убитыми, эксперт прошел в купе наших путешественников и аккуратно извлек пулю, засевшую в простенке. Просмотрев документы убитых, Константин сообщил, что мужчина – гражданин США, сотрудник одного из крупных банков. Но, судя по имени, уроженец Германии. Девушка – его дочь. Вероятнее всего, предположил Константин, банковский служащий приезжал в Германию провести родственников, после чего они с дочерью надумали совершить небольшой тур по Европе.

– Может быть, его убили только потому, что он сейчас стал янки? – задумчиво сказал полицейский, постукивая по ладони документами американца.

– Считаете, что его убили исламисты по признаку гражданства? – с сомнением спросил Лев. – Мне почему-то кажется, причина тут совсем иная. Тут или какой-то корыстный умысел – вполне возможно, убитый в своей банковской структуре препятствовал неким операциям криминального свойства или обладал какой-то информацией, которая могла нанести ущерб интересам некой группировки или отдельного лица.

– Интересный ход мысли... – кивнул Константин. – Но тогда почему его убили здесь, а не в США?

– А где человек наиболее уязвим? Только в пути, где постоянно меняется обстановка, где зачастую нет реальной

возможности обнаружить за собой слежку, вовремя принять какие-то меры безопасности, – пояснил Гуров. – Впрочем, это только то, что, так сказать, лежит на поверхности. Возможны и другие, самые экзотичные варианты версий. В конце концов, возможна даже такая банальность, как убийство по ошибке. В нашей практике такое случалось. И не раз.

– А то! – усмехнулся Крячко. – Был случай, киллер пришел убивать какого-то бизнесмена – тоже, кстати, криминального пошиба. Позвонил в дверь; ему открывает мужик, вроде похожий на «клиента». Он его «кладет» и уходит. Получает свой гонорар, и тут выясняется, что убил-то он не бизнесмена, а любовника его жены. Тут же на него самого открылась охота. Ему что делать? Сам прибежал в милицию сдаваться. Через него и вышли на заказчика.

– Занятная история... – согласился Константин. – Кстати, а этот «заказанный» с женой после этого не развелся?

– Где там! – рассмеялся Станислав. – Купил ей бриллиантовое кольцо и простил всех любовников на десять лет вперед. Главное, поставил условие, чтобы они все были похожи на него.

После того как санитары унесли на больничных носилках в пластиковых мешках тела убитых, поезд продолжил свой путь. Константин и специалист по составлению фотороботов на пару часов остались в купе наших путешественников. Нужно было запротоколировать показания оперов, которые в данной ситуации оказались свидетелями, а также со-

ставить портрет подозрительного типа, замеченного Станиславом. Помытарившись с фрагментами лиц – отдельно взятыми снимками ушей, глаз, носов и ртов, – общими усилиями они наконец-то сложили фотомозаику, достаточно точно похожую на предполагаемого убийцу.

Посмотрев на синтезированное лицо ближневосточного этнотипа, Лев согласился с приятелем – где-то он тоже уже видел этого человека. А Константин, довольный достигнутым результатом, на очередной станции попрощался со своими коллегами и направился к машине с полицейскими маячками, которая, судя по всему, все это время шла вдогонку за экспрессом.

Когда отбыли бундесполицейские, Гуров рассказал Алексею Юрьевичу о своих подозрениях по поводу того, что в качестве жертвы убийцы, вполне вероятно, намечался не американский банковский клерк, а отставной русский разведчик.

– Я тоже об этом думал... – сдержанно отметил Смирнов. – Я, когда только посмотрел на убитого, сразу понял: приходили по мою душу, а загубили случайных людей. А вы молодцы. Лишний раз убедился, что дело свое знаете.

Учитывая вероятность того, что у убийц в поезде могут быть сообщники, которые по тем или иным причинам вдруг вознамерятся «исправить ошибку» своего «коллеги», опера решили установить постоянное дежурство, чтобы тем не удалось захватить их врасплох.

...Вопреки распространенным стереотипам, согласно которым Лондон – столица нескончаемых дождей и туманов, столица Великобритании встретила наших путешественников ясной, солнечной погодой. Выйдя из здания вокзала Ватерлоо, они сели в типично лондонское черное такси, с высотой кабины, позволяющей джентльмену загрузиться в нее, не снимая цилиндра, со светящимся знаком «For Hire». Таксист-индус с ходу назвал тариф – почти полтора фунта, плюс энное число пенсов за дополнительных пассажиров. Кивнув в ответ и обронив лаконичное «уэлл», Смирнов добавил по-русски, что за то время, пока его не было в Лондоне, «овес» существенно подорожал.

Такси помчало их по улицам города к гостинице «Гринвичский меридиан», где им должны были заказать места. Алексей Юрьевич с ностальгически-мечтательной улыбкой глядел на хорошо знакомые ему лондонские пейзажи. А вот его спутники, хронически привыкшие к правостороннему движению континентальной Европы, инстинктивно не могли не напрячься, как нечто противоестественное воспринимая стремительный бег автомобиля по не привычной для них левой стороне дороги.

Поняв их состояние, Смирнов негромко рассмеялся.

– Здесь себя проще чувствуют те, кто никогда не сидел за рулем, – пояснил он. – А вот у тех, кто в Москве из-за руля не вылезает, бывает, мурашки по коже бегают – все же шиворот-навыворот. Ничего, пару дней по городу покатаетесь,

и потом уже в Москве будете ежитья: да куда ж вы претесь не по той стороне?

Четырехзвездочный отель «Гринвичский меридиан» оказался зданием старой постройки, с архитектурой, радикально непохожей на ультрасовременный железобетонно-металло-стеклянный стиль. Этажи здания разделяли старомодные карнизы, окна с полукруглым верхом обрамляла фигурная каменная кладка, широкая платформа крыльца вела к козырьку, поддерживаемому колоннами. Вверх по стене от козырька шли фальшколонны с фигурными узорчатыми капителями, придавая зданию торжественный, монументальный вид.

– Вот типичный образчик так называемой «старой доброй Англии»... – указав на здание, скорее всего, возведенное в начале прошлого века, пояснил Алексей Юрьевич. – Ну что, товарищи джентльмены, идемте занимать свои апартаменты? – добавил он, предоставляя сумки гостиничному носильщику в синей униформе, чем-то напоминающей гусарский доломан.

Поднимаясь на лифте на четвертый этаж, Смирнов пояснил, что их номер общий, но разбит на три комнаты, поэтому достаточно высокий уровень комфорта будет обеспечен. Глядя на шествующих по гостиничным коридорам постояльцев отеля и обслуживающий персонал разных возрастов и оттенков кожи, Стас многозначительно хмыкнул:

– Прямо как у Маяковского, про мистера Твистера... Сле-

ва – малаец, справа – китаец...

– Тебя что, одолели расистские настроения? – рассмеялся Гуров.

– Да какой из меня расист... – Крячко, поморщившись, отмахнулся. – Просто у нас в Москве частенько слышу: понаехали! Вот бы их сюда привезти, чтобы посмотрели, что значит «понаехали» по-настоящему...

Слушая их диалог, Алексей Юрьевич, не выдержав, рассмеялся.

– Да, – покачал он головой, – за те годы, что прошли с тех пор, когда я здесь был последний раз, количество переселенцев из Азии и Африки увеличилось в разы. Ну, тут что поделаешь? Издержки самой старой европейской демократии, чрезвычайно толерантной и либеральной. Конечно, нация, замкнувшаяся в себе, обречена на вырождение. Но если страна стала проходным двором, то это тоже не подарок судьбы. Все уместно в меру. Впрочем, что нам об этом судить? Пусть над этим думают сами англичане...

Номер с высоченным потолком и впрямь оказался весьма просторным, как выразился Станислав, «хоть на велике катайся». Заняв две крайние комнаты, среднюю опера определили для их сопровождаемого – так им было бы легче отслеживать обстановку и, при необходимости, более оперативно реагировать на возможные форс-мажоры.

Приняв душ в просторной ванной комнате и сменив дорожную одежду на более светские костюмы, все трое отпра-

вились в соседний с гостиницей ресторан, стилизованный под старинную английскую харчевню. Еще в дороге Алексей Юрьевич выдал им по пятьсот фунтов «на мелкие карманные расходы», поэтому приятели чувствовали себя вполне состоятельными «сэрами». Когда они вошли в ресторанный зал, там былолюдно, шумно и весело. Сделав заказ – общение с официанткой велось через Смирнова, – приятели полезли в карман за деньгами, но тот остановил их, уведомив, что питание и разъезды по городу он будет оплачивать сам.

Когда, лавируя между столиками, к ним направилась официантка с подносом, Стас даже вытянул шею – то ли оттого, что так сильно проголодался, то ли потому, что хотел разглядеть полноватые, но стройные ноги молодой англичанки. Лев едва не рассмеялся, наблюдая за тем, как его приятель то и дело перебегают взглядом с тарелок на бюст официантки. Похоже, тот и сам никак не мог разобраться, что же в большей степени привлекло его внимание – блюда английской кухни или формы английской леди.

– Хм... – уплетая классический бифштекс, Крячко с интересом оглядывался по сторонам. – Говорят, англичане хронически «замороженные», а тут такой галдеж, прямо как у нас в пивной на Чистых Прудах.

– Станислав, забудь о стереотипах! – улыбаясь, пояснил Смирнов. – Англичане такие же «замороженные», как французы – поголовные любовники, а русские – поголовные выпивохи. К тому же здесь англичан не так уж и много. В основ-

ном «гудят» иностранцы. Вон за тем столом – немцы «тринкен шнапс». Слышишь? «Майне гуте, майне кляйне...» А вон там португалыцы. Еще дальше – поляки. Кстати, есть предложение: а давайте-ка я покажу вам город? И сам посмотрю, немного поностальгирую – все же с Лондоном связаны не самые худшие мои воспоминания. И вы малость его географию изучите...

Крячко немедленно проголосовал вилкой с насаженным на нее бифштексом:

– Я – только за!

Гуров, хоть и более сдержанно, но тоже твердо высказался за экскурсию.

И они отправились по городу, о котором столько доводилось слышать. Льву Англия, хотя бы относительно, была знакома. Однажды они с Марией отправились в морской тур вдоль северного побережья Европы. На грузопассажирском пароме заходили в портовые города Швеции, Дании, Франции; заходили и в Ливерпуль. Но, как бы там ни было, Ливерпуль – это все же не Лондон.

Дойдя до ближайшей станции лондонского метро, фамиллярно именуемого горожанами «трубой» (Tube), вместо привычного эскалатора они спустились вниз на лифте, которым были оборудованы самые первые станции здешней подземки. К удивлению приятелей, в отличие от московских, лондонские станции метро особыми изысками не блистали. Вагоны тоже были значительно ниже, с закругленным вер-

хом. Войдя в салон вагона, Гуров был вынужден пригнуться, Алексей Юрьевич касался макушкой потолка, и лишь один Стас Крячко никаких проблем не испытывал.

Они проехали на подземке, в общем-то, имеющей общие черты с любым другим метрополитеном мира, до станции, откуда пешком дошли до просторной многолюдной площади, в центре которой высилась многометровая колонна постамента, увенчанная какой-то статуей.

– Это Трафальгарская площадь, памятник адмиралу Нельсону, – пояснил Алексей Юрьевич, взявший на себя роль гида. – Тут, как видите, все здания старинные, все сохраняется, все восстанавливается. Это не у нас в Москве, где ничего исконно московского уже не осталось. Приезжаешь домой, и плевать хочется – сплошной новодел...

Они пошли вместе с толпой, осматривая колонну постамента, фигуру легендарного англичанина в треуголке, черных каменных львов, лежащих по углам основания памятника.

– Нельсон... Это же после его победы над французами Наполеон назвал англичан нацией торгашей? – явив эрудированность, прищурился Крячко.

– Было дело, после Ватерлоо... – усмехнулся Смирнов. – Но сами англичане свою страну именовали владычицей морей. Во времена Нельсона она еще могла соответствовать этому званию. Но теперь-то, уж конечно, это все в прошлом. Кстати! Смотрите, чего-то подобное не ляпните, если вдруг

будете общаться с лондонскими кокни... Ну, коренными лондонцами – могут воспринять как личное оскорбление. Англичане были и остаются кондовыми патриотами своей страны.

– Кокни... Кокни... Что-то такое я о них слышал... – Гуров потер лоб. – А как они хоть выглядят-то?

– Их можно узнать только на слух. Некоторые буквы они проглатывают, некоторые произносят по-особенному. Это может отличить только человек, хорошо владеющий английским, – пояснил Алексей Юрьевич. – Ну что, двинулись дальше?

После недолгой пешей прогулки они оказались на воспето́й с российской эстрады площади Пикадилли, от которой на запад, вплоть до знаменитого Гайд-парка, тянулась одноименная с ней широченная, очень оживленная улица. Проходя мимо здешней достопримечательности – Королевской академии художеств, – Стас не преминул пропеть, шутовски пародируя Лайму Вайкуле:

– ...По улитсе Пикатилли я шла, ускорая шак, когга меня фы люпили, я телала все не так...

– Нет, Стас, пародист из тебя не очень... – чуть поморщился Лев. – Акцент-то у нее латышский, а ты изобразил какой-то немецко-китайский.

– А ты и этого не умеешь! – ернически парировал Крячко. Слушая их пикировку, Алексей Юрьевич рассмеялся и указал на автобусную остановку, обозначенную большими

красными буквами ЛТ. Вскоре подошел высоченный двухэтажный автобус, на котором они отправились дальше. Сидя у окна, Смирнов вполголоса пояснял, где и по какой улице они едут, какие наиболее крупные городские магистрали пересекают.

За остаток дня они посетили Гайд-парк, где в знаменитом «уголке ораторов», трактуемом как «рассадник мировой демократии», и впрямь шли нескончаемые дебаты агитаторов, пропагандистов и проповедников всех мастей, направлений и оттенков. И если в одном конце, стоя на принесенной с собой табуретке, кто-то повествовал сердобольным слушателям о своих неблагодарных детях, то в другом раздавались пламенные призывы к всемирной социалистической революции. Коммунистические идеи проповедовал толпе студентов, дружно голосующих за это банками пива, экзальтированный тип «а-ля Че Гевара», размахивающий красным стягом с серпом и молотом.

– Во дает! – удивленно причмокнул Станислав, когда Смирнов вкратце перевел ему содержание речи «буревестника революции». – А его за такие призывы не загребут в каталажку?

– Нет, не загребут, – с долей иронии заверил Алексей Юрьевич. – Видите, вон, конный полицейский? Стоит и ухом не ведет... Тут нельзя только королеву обзывать и здешнюю церковь. А все остальное – ради бога...

Прогулявшись по украшенным цветниками и фонтанами

аллеям парка и пройдя вдоль обширнейшего водного прямоугольника озера Серпентайн, трио путешественников отправились дальше.

Они прошлись перед Букингемским дворцом, по своей архитектуре чем-то напоминающим питерский Эрмитаж, заглянули в Британский музей, постояли перед Вестминстерским аббатством с его часами на башне, которую иностранцы ошибочно зовут Биг-Беном. Как пояснил Алексей Юрьевич, Биг-Бен – это колокол часов, а не что-то другое.

Дальше все уже начало путаться в памяти, как картины калейдоскопа, – Тауэр и Тауэрский мост с высящимися над ним двумя квадратными островерхими башнями, собор Святого Павла, взглянув на который Крячко тут же съехидничал:

– Опа! Что-то похожее мы уже видели в Риме. Лев, помнишь? Они его не оттуда «слизали»?

Под конец экскурсии уже не осталось сил, чтобы подняться над Лондоном на самом большом в мире колесе обозрения – высотой в сотню метров с большущим «гаком», полюбоваться рыбами в океанариуме, спуститься в ставшие музеем многовековой давности подземелья, тянущиеся под городом вглубь и вширь...

Впрочем, несмотря на усталость, «под занавес» экскурсии опера не могли не заглянуть на знаменитейшую Бейкер-стрит, в дом-музей Шерлока Холмса. Правда, Стас, отчего-то преисполнившийся скептического сарказма, и тут не

смог не съязвить, взирая на восковые фигуры Холмса и Ватсона:

– Это что за папуасы? Не, мужики, наши Ливанов с Соломиным – супер. Эти им и в подметки не годятся.

Когда они вышли на улицу, совершенно спокойным, будничным тоном Смирнов негромко уведомил:

– Вообще-то, друзья мои, с некоторых пор за нами таскается «хвост»...

– Ну да, он еще на Тауэрском мосту увязался, – согласился Гуров.

– А, это такой небритый араб в джинсах с подтяжками поверх футболки? – хохотнул Крячко. – Там, по-моему, следом еще и какая-то тачка маячит, вроде бы ищет, где припарковаться.

Алексей Юрьевич тихо рассмеялся и, крутнув головой, сдержанно констатировал:

– Ну, парни! Все больше и больше убеждаюсь в том, что не зря Орлов упирался, не желая отпускать вас со мной. Что будем предпринимать?

– Наверное, стоит воспользоваться вашим знанием Лондона, – деловито определил Лев, в стекле большой витрины поймав краем глаза силуэт шпика, который, профессионально маскируясь за прохожими, по-прежнему следовал за ними. – Сейчас уводим его с собой в какой-нибудь глухой закуток, там берем в оборот и выясняем, кто он и чего ему надо.

– А вы уверены, что его удастся «разговорить»? – усо-

мнился Смирнов.

– Заговорит, и еще как заговорит! Как канарейка защечечет! – с оттенком веселого злорадства заверил Стас.

Не без подсказок Алексея Юрьевича опера нашли небольшой магазинчик кухонных принадлежностей. Немного поприценивавшись на относительно внятном английском, Гуров купил полуметровой длины кортикоподобный кухонный «наиф» с угрожающе поблескивающим острым лезвием. Выйдя из магазина с длинным бумажным свертком, опера и их подопечный продолжили свой дальнейший путь.

Сетуя на то, что за последние годы, хоть и не радикально, но в Лондоне кое-что все же поменялось, Смирнов долго выбирал достаточно глухое, безлюдное место. Наконец они оказались на задворках какого-то помпезного здания, где в окружении аккуратного ограждения из фигурных железобетонных стенок тянулся ряд мусорных контейнеров, не в пример своим российским собратьям – не мятых, окрашенных в светлые тона, с какими-то надписями.

Общим решением засаду решено было устроить именно здесь. Укрывшись за стенкой, трио путешественников затаилось, поджидая соглядатая. Ждать пришлось недолго. Озираясь и осторожно ступая, тот появился менее чем через минуту. Поняв, что те, за кем до сего момента он столь успешно следил, бесследно исчезли, шпик растерянно остановился, не зная, куда ему податься теперь. Его сообщники на автомобиле, подстраховывавшие до недавних пор, с этой сто-

роны сюда проехать не смогли и остались где-то далеко позади, ожидая его звонка.

Размышления соглядатая прервало внезапное появление прямо перед ним тех, кого он считал безнадежно потерянными. Только теперь он понял, что испытывает охотник, который волей случая внезапно поменялся ролями со своей добычей. К его безграничному изумлению и крайнему испугу, русские – а он знал, что это русские, – не говоря ни слова, бесцеремонно схватили его за руки. Шпик, не успев даже пикнуть, вдруг оказался в совершенно глухом закоулке. К нему сбоку приблизился еще один русский – седой мужчина со строгим, изучающим взглядом. Слежка именно за ним и была главной составляющей его задания, полученного от Босса.

Дернувшись в надежде вырваться, шпик понял – не удастся. Даже будучи физически не слабым от природы, в живых тисках этих двоих крепышей он чувствовал себя воробьем, попавшим в когти сразу двух хищных ястребов. А те и впрямь, хищно глядя на него, о чем-то говорили по-русски. И хотя он не понимал ни слова, было понятно и без перевода – дела его плохи.

– А ну-ка, спусти с него штаны! – скомандовал крепыш повыше ростом.

Не понимая ни слова из того, что сказал этот русский, соглядатай замер в ожидании. Тот, что пониже ростом и пошире в плечах, неожиданно сорвал со шпика джинсы, открыв

все то, что было скрыто ими до сего момента.

– Ай-м нот гей! Ай-м нот гей! (Я не гей! Я не гей!) – испуганно залепетал соглядатай, прижимаясь голым задом к холодной бетонной плите.

– Уи из олсоу нот гей... – с безграничной иронией уведомил приказавший оставить его без штанов. – Алексей Юрьевич, переводите, наверное, вы. А то с моим знанием английского можно или спросить не то, что хотел, или понять не так, как он ответил.

Тем временем крепыш пониже, не спеша, почти торжественно развернул до этого торчавший у него под мышкой фирменный яркий бумажный сверток магазина «Нью Барлоу». Увидев в его руках длинное блестящее лезвие ножа, скорее всего, острого как бритва, шпик затрепетал и затрясся. А тот, полюбовавшись бликами света на полированной стали, неожиданно приставил острие к паху соглядатая и что-то сказал седому. Согласно кивнув, тот выдал на чистейшем английском:

– Сударь, эти джентльмены ставят вас в известность, что если вы не соблаговолите ответить на наши вопросы, то будете иметь удовольствие попробовать на вкус собственные гениталии. Не забывайте, что мы – русские. Или вы о нас не слышаны?

Если бы! От своих наставников соглядатай о русских знал очень и очень многое. Те, не жалея красок, расписали ему измененность инстинктов безжалостных русских, способных

явить звериную жестокость и немыслимую бесчеловечность. Ведь это они, эти страшные русские, – причина всех бед, происходящих в мире. Когда-то именно они напали на беззащитную Германию, оккупировав половину ее территории, убив миллионы человек и обесчестив всех без исключения тамошних женщин. А еще они злодейски сбросили атомные бомбы на бедных мирных японцев... Стоит ли и от этих троих ждать хотя бы капли милосердия? Недаром великий аятолла Хомейни когда-то сказал: «Англия хуже Америки, Америка хуже Англии, а Россия хуже их обоих, вместе взятых». И вот теперь он в руках этих кошмарных монстров, в сравнении с которыми граф Дракула – сущий младенец...

– Есс, есс! – торопливо закивал шпик, чувствуя, как в его животе что-то нудно заворочалось, словно он, покушав испорченного плова, запил его протухшим айраном.

Соглядатай поспешил сообщить, что готов на самую полную откровенность, только бы не шелохнулось лезвие ножа, неприятно холодящее его беззащитную плоть и способное в один миг лишить его мужского естества.

– Кто заказчик слежки и какова ее цель? – жестко спросил седой, наводя на него объектив видеокамеры сотового телефона.

Преданно заглядывая ему в глаза, шпик в подробностях рассказал, что шпионить за тремя русскими ему приказал господин Керим, лидер одной из лондонских ближневосточных диаспор. Цель слежки – выявить, куда и зачем они ез-

дят, где и с кем встречаются. По мере возможности записать разговоры при помощи специального устройства. Господин Керим – очень влиятельный и властный человек, к тому же чрезвычайно богатый. Его дом – один из самых больших на той улице, где селятся преимущественно правоверные. Кроме того, он знаком с каким-то очень большим человеком, который столь велик, что того смело можно назвать эмиром эмиров, султаном султанов, царем царей. Имени «царя царей» соглядатай не знал, но был наслышан, что его власть, по сути, безгранична.

– Это он про Бен Ладена, что ли? – пренебрежительно хмыкнул Крячко, внимая повествованию шпики в переводе Алексея Юрьевича.

– Нет, нет, почтенный Усама очень дружен с господином Керимом, однако они оба исполняют волю Величайшего! – с трепетным пиететом пояснил соглядатай.

Порасспрашивав о том, как и где можно было бы найти Керима, каковы его деловые и иные контакты, уточнив те или иные детали услышанного, Смирнов отключил видеосъемку и, вопросительно посмотрев на замершего в ожидании шпики, спросил у оперов:

– Ну и что с ним будем делать? Наверное, отпустим?

– Да пусть проваливает на все четыре стороны! – убирая нож и вновь заматывая его в упаковочную бумагу, обронил Станислав.

– А что, возможны какие-то иные варианты? – выпуская

запастье соглядатая, рассмеялся Гуров. – Все, что надо, мы от него узнали. Если хочет – пусть бежит, доложит своему патрону о нашей с ним беседе. Тогда и до сегодняшней ночи не доживет. Думается мне, он вовсе не дурак и, если судить по выражению его фейса, скорее всего, сейчас помчится праздновать свой второй день рождения.

Лев оказался абсолютно прав. Увидев, что русские, ничего ему больше не сказав, просто взяли и куда-то удалились, соглядатай тем не менее некоторое время продолжал стоять не двигаясь. Но потом до него наконец-то дошло, что они, эти русские изверги, действительно оставили его в живых! Это для него было столь же удивительно, как если бы он, попав в зубы нильскому крокодилу, по непонятной причине был бы тем отпущен с миром.

Непослушными руками натянув штаны и кое-как их застегнув, на подгибающихся ногах шпиик поспешил к ближайшему пабу, где только после пары пинт пива понял окончательно: обошлось!

Прибыв в гостиницу, Алексей Юрьевич первым делом по телефону, стоящему в холле номера, позвонил в полицию и сообщил про обнаруженную за собой непонятную слежку (о разговоре со шпииком он предпочел умолчать). Предполагая, что это может быть подготовкой покушения на его жизнь, он потребовал от полицейских усиления охраны участников предстоящего форума. Выслушавший его полицейский чин несколько желчно уведомил, что в столице Соединенного

Королевства уже и без того приняты достаточно эффективные меры как по защите жизни, чести и достоинства гостей и подданных Ее величества, так и по выполнению полицией всех иных взятых на себя обязательств.

Наблюдая, как несколько озадаченный Смирнов кладет трубку, Гуров не выдержал и рассмеялся.

– Алексей Юрьевич, я вижу, вас разочаровал кокни в полицейском мундире? Судя по всему, «спящие царевны» не только в нашей милиции водятся, – заметил он.

Тот лишь со вздохом безнадежно махнул рукой, как бы желая сказать: патологический бездельник – он и в Африке бездельник. Сев в кресло под торшером, Смирнов наугад вынул из вороха газет, купленных им по пути в гостиницу, одно из лондонских изданий и без помощи очков начал просматривать материалы передовой. Пролистав газету, он принялся за другую.

– Ну вот, парни, – неожиданно оторвался он от чтения, поглядев в сторону оперов, смотревших телевизор, – нашел я и материал о случае в нашем вагоне.

Как оказалось, вышел очерк о загадочном двойном убийстве в берлинском экспрессе. Анализируя обстоятельства случившегося, с учетом мнений немецких сыщиков, автор выдвигал предположение, что банковский служащий был убит по ошибке, а его дочь пострадала как нежелательный свидетель. Здесь же был и фоторобот предполагаемого убийцы, объявленного в международный розыск. Как удалось вы-

яснить, скорее всего, это мог быть член ближневосточной террористической банды фундаменталистской направленности «Герои джихада», некий Муса Азраилло.

Исчезнувшего проводника, который оказался членом ту-рецких «Серых волков», нашли менее чем через сутки с пулевым отверстием в середине лба. Убит он был из того же оружия, что и погибшие в экспрессе. Сыщики были уверены в том, что Хасана Эфенди убил тот же Муса Азраилло, с одной стороны, за неверную наводку, а с другой – чтобы элементарно замести следы.

– ...Похоже, друзья мои, ваша тогдашняя версия о том, что киллер ошибся в выборе жертвы, подтвердилась полностью, – отложив газету, задумчиво констатировал Алексей Юрьевич. – Значит, кто-то начал за мной охоту. Но кто? Хотя, если подумать, таких может быть немало. Все же я лет десять отработал в арабских странах и, скорее всего, имею несчастье знать того, кто хотел бы избавиться от всякого, знающего его слишком хорошо.

– Но ведь вы там, надо понимать, работали не под своим именем? – выслушав его, заметил Гуров.

– Разумеется... – кивнул Смирнов. – И означает это только одно: в нашей конторе опять завелся «крот», который и дал исламистам информацию обо мне. Надо будет сегодня же сообщить руководству об этой твари.

Материал еще в одном издании заинтересовал Смирнова еще больше. Известный аналитик, судя по всему, имеющий

весьма тесные контакты с британскими спецслужбами, опубликовал статью, в которой выдвинул предположение о существовании некой глобальной террористической суперорганизации. По его мнению, пресловутая «Аль-Каида» – всего лишь ее структурное подразделение, призванное «отвлекать огонь» на себя.

«... Что, если «Аль-Каида», на борьбу с которой брошены все европейские, американские и многие другие спецслужбы, на самом деле – «верхушка айсберга», тогда как главная, и куда более опасная часть монстра, рвущегося к мировому господству, скрыта в информационной «тени»? – встревоженно вопрошал аналитик. – В таком случае наши контртеррористические подразделения выглядят слепыми щенками, гоняющимися за хвостом дракона, который, злобно ухмыляясь, ехидно посматривает на них со стороны...»

– Да, тут с автором трудно не согласиться... – глядя на окно, предусмотрительно закрытое шторами – при заселении в номер опера это проделали в первую очередь, – вслух отметил Алексей Юрьевич. – Я вот сейчас думаю о том, кто же на самом деле и для чего реально организовал этот «шпионский саммит». Вроде бы инициатором выступила политическая структура НАТО. Но ведь и в ней – гарантирую – хватает «кротов». Возможно, и не на рядовых должностях...

Подойдя к столу и взяв газету, Стас некоторое время рассматривал им же составленный в поезде фоторобот киллера. Неожиданно достав гелевую авторучку, с мстительной улыб-

кой и типично мальчишеским озорством в хитро прищуренных глазах он пририсовал тому синие усы и бороду.

– О! Теперь это настоящий аб... рек... Лева! А ну-ка, глянь теперь! – окликнул он Гурова. – Узнаешь?

Лев посмотрел на «подкорректированный» приятелем портрет бандита и даже присвистнул от удивления.

– Мюрид! – уверенно назвал он. – Так вот с кем судьба свела в экспрессе...

– Что за Мюрид, парни? – с интересом прислушиваясь к их диалогу, заинтересовался Смирнов.

– Это наш, так сказать, знакомый по командировке на Кавказ... – усмехнулся Гуров.

...Несколько лет назад в одной из северокавказских республик банда ваххабитов убила известного исламского богослова, активно выступавшего против ваххабизма. Его машина была подорвана радиоуправляемым фугасом в тот момент, когда он подъезжал к мечети. Сам богослов погиб на месте, его охранник и шофер умерли уже в больнице. Поскольку раскрытие этого дела для федерального руководства было вопросом государственного престижа, туда были брошены самые квалифицированные оперативные кадры. Следственную группу возглавил Лев Гуров, его первым помощником был назначен Станислав Крячко.

Несколько дней непрерывной, круглосуточной работы дали свой результат. Опергруппой было установлено, что убийство совершила банда некоего «эмира» Хусейна. Более то-

го, задержав одного из пособников группировки, Гуров выяснил даже приблизительное месторасположение базы боевиков, скрытой в безлюдных местах. В действие тут же вступила войсковая разведка, которая сумела не только обнаружить базу, но и отследить маршрут передвижения бандитов, в полном составе отправившихся на очередную «операцию». Остальное было, что называется, делом техники.

Спецназ, взяв бандитов в огневые «клещи» и ведя беспощадный огонь из всех видов вооружения, в одной из лесистых лощин почти полностью уничтожил всю группировку из более чем трех десятков человек, не понеся никаких потерь. Оставшиеся в живых пятеро боевиков выкинули белый флаг.

Размахивая полотенцем, привязанным к палке, к спецназовцам вышел бородатый тип, назвавшийся Мюридом. Боевик заверил всех в том, что он и еще четверо человек намерены сдаться в плен, и хотел узнать – не расстреляют ли их федералы без суда и следствия. Оказывается, убитый в ходе боя «эмир» Хусейн постоянно внушал своим подручным мысль, что «неверные» лгут, предлагая боевикам сложить оружие в обмен на полную амнистию. Он твердил о том, что все, кто добровольно сдался властям, расстреливались на месте.

Дав бандитам гарантии сохранения жизни, спецназовцы передали их судебным инстанциям. Как позже стало известно, четверо сдавшихся получили мизерные сроки. А вот сам Мюрид, который, как оказалось, был одним из палачей «эми-

ра» Хусейна и собственноручно убил не менее десятка человек, получил двадцать лет строгого режима. Хотя, вообще-то, обвинение требовало пожизненного заключения. Но судом была учтена позиция защиты, упиравшей на то, что якобы Мюрид лично убедил оставшихся в живых боевиков сложить оружие.

И вот, как оказалось, вместо того чтобы сидеть на российской зоне с вовсе не курортным режимом, махровый убийца внезапно обнаружился на свободе, и не где-нибудь, а на просторах безгранично толерантной Европы.

– Похоже, и нам есть о чем сообщить своему руководству, – завершил Лев свое повествование. – Пусть разберутся, кто и на каком основании выпустил этого скота на свободу. Блин! Если бы не эта хохма, которую отчебучил Стас, мы бы этого могли и не узнать. Вот наглядный пример того, как несерьезное озорство иногда позволяет сделать очень серьезные открытия... Кстати, Алексей Юрьевич, а вы собирались взять нас с собой изначально или ранее у вас были какие-то другие планы?

– Хм... Вообще-то, да, – Смирнов задумчиво покачал головой. – Когда я получил приглашение – сейчас-то я уже в определенной мере рассекречен, как уже давно отошедший от дел, – то собирался взять с собой в Лондон свою внучку. Но потом передумал и взял вас. И вот в итоге получается...

– Получается занятная картина, – продолжил его мысль Гуров. – Кто-то из вашего окружения, зная о том, что вы

едете с внучкой, поспешил известить об этом своих хозяев. Но вы потом резко изменили свои планы, а он по каким-то причинам коррективы внести не успел. Вот и попался им на мушку похожий на вас наш сосед по вагону, ехавший со своей дочерью. Такое обычно называют «трагическим стечением обстоятельств».

– А почему вы уже почти перед самым отъездом решили оставить внуку дома и взять с собою нас? – заинтересовался Крячко.

– Появились какие-то неприятные предчувствия, – нахмурился Смирнов. – Неделию назад в СМИ прошла информация о том, что при загадочных обстоятельствах погиб старый сотрудник французской разведки. Тоже, как и я, отставник. Он увлекался, как это сейчас модно называть, дайвингом. И вот во время одного из погружений с аквалангом у него почему-то вдруг отказало сердце. Самое главное то, как пришла ко мне эта информация. Гулял по парку, присел на лавочку. Смотрю – валяется газета. Раскрываю и натыкаюсь взглядом именно на эту заметку!

– Перст судьбы? – понимающе улыбнулся Лев.

– Можно и так сказать... Я человек не суеверный, но в тот момент вдруг понял: это не просто случайность. Тем более что этого человека я немного знал. Мы с ним одновременно работали в одной из североафриканских стран. Он работал под прикрытием коммерческой фирмы. Информацию о нем руководство передало мне для общего сведения. Мы с ним

не общались, но друг друга видели. Вероятно, он тоже знал, кто я на самом деле...

– То есть надо полагать, завтра на саммите вы увидите немало знакомых лиц, – рассмеялся Крячко. – То-то начнутся воспоминания!..

– Это исключено, – усмехнулся Смирнов. – В нашей среде подобное не принято. Даже лично зная человека, мы не имеем права этого показывать. Такова уж наша работа... Кстати, являя в разговорах с вами некоторую откровенность, я делаю это исключительно потому, что уже успел убедиться – вы парни нашей закваски и где попало болтать не будете.

Глава 3

Открытие форума отставных агентов спецслужб состоялось в конференц-зале пятизвездочной гостиницы «Британское содружество». Открыл заседание, на которое прибыло около полусотни человек более чем «вышесреднего» возраста, один из крупных натовских чинов. Он долго и пространно говорил о значении международной консолидации в деле противостояния терроризму во всех его разновидностях. Высказался натовец и о том, какое значение Североатлантический альянс придает сотрудничеству с Россией и ее спецслужбами.

После оглашения повестки дня доклад по теме заседания сделал отставной сотрудник АНБ США. По его словам, события одиннадцатого сентября просто обязывают все без исключения страны мира объединиться во имя выживания человечества перед лицом возрастающей угрозы террористического апокалипсиса. Не преминув указать на особую роль Америки, которая своими действиями в Ираке и Афганистане «значительно ослабила позиции самых разрушительных и деструктивных сил», выступающий призвал оказывать Штатам всевозможную помощь в этом «благородном и важном деле», как моральную, так и практическую, в плане реального участия армий различных стран в акциях американских военных.

Сидя в компании зрителей, разместившейся на задних рядах конференц-зала, часть которых была представлена журналистами газет, радио и телевидения, а другая, большая, – непонятного рода деятельности крепкими мужчинами от тридцати до сорока пяти, Лев и Станислав скучающе слушали выступление через наушник синхронного перевода. Многие пассажи докладчика вызывали у них ироничную усмешку, и лишь некоторым усилием воли им удавалось сохранить невозмутимо-сдержанный вид. Когда выступление закончилось и раздались аплодисменты, вместе со всеми приятели чисто символически несколько раз сдвинули и раздвинули ладони.

– Блин! Какая ж тут скучища! – страдальчески морщась, на ухо Льву пробормотал Крячко. – Ты глянь – под потолком ни одной мухи. Думаешь, почему? От тоски подохли! Пойти, что ль, покурить?

– Стас, ты не тем занимаешься! – укоризненно прошептал ему в ответ Гуров. – Ты не доклады должен слушать, а запоминать всех тех, кто здесь находится. Хотя бы мельком. Мало ли кого и где можем встретить? Ты уверен, что здесь нет «засланных казачков» из той же «Аль-Каиды»? То-то же!

Тягостно вздохнув, Станислав с мученическим выражением лица послушно вперил взгляд в своих ближайших соседей. Незаметно разглядывая их профиль или фас, он мысленно искал аналогии, чтобы легче было запомнить: «...Так, тот боров – прямо-таки мой сосед по дому Грушников. Та-

кая же ряха откормочная. А вон тот раздолбай – ни дать ни взять наш эксперт Дроздов. Тоже, поди, зануда из зануд. А эта фифа явно смахивает на Верочку, секретаршу Петра. Хм-м-м... Еще одна дива... Стоп, стоп! А в ней что-то есть! Такая фемина – м-м-м!..»

– Лева, глянь вон на ту особу... Ну, на ту, что справа от толстяка, – вновь склонился он к уху приятеля.

– Ну, вижу, – деловито кивнул тот. – Ты с ней где-то уже встречался?

– Да нет... Просто погляди – какие формы, какая стать! О-бал-деть!

– Стас, опять дурыю маешься? – Гуров сердито свел брови. – Мы не на прогулке. Тут – как на минном поле. Мы сопровождаем не участника съезда ботаников, уловил?

– Да уловил, уловил... – кисло-отмахнулся тот. – Ух, блин! Как же я ее сразу-то не разглядел?! Да вот же, сидит прямо перед нами... Чудо из чудес. Ешкин кот! Глаз не оторвать... Вот дурак – не учил иностранные языки. А то бы...

– Все! Хорош! Иди курить! – Лев толкнул его пальцем в плечо. – Достал своими стонами!..

Стас хотел возразить, но в этот момент сидевшая перед ними и впрямь весьма эффектная молодая леди, неожиданно оглянувшись и, улыбнувшись, с интересом посмотрела на Крячко. Тот от неожиданности растерянно заморгал, после чего, засмущавшись – кто бы мог подумать, что эта красотка понимает по-русски?! – немедленно отправился в холл, где

присоединился к разноязычной компании, оккупировавшей специальное помещение с табличкой «фор смокинг».

Тем временем заседание шло своим чередом. По ряду вопросов даже начали возникать дискуссии. Взяв слово, перед собравшимися высказался и Смирнов. Несколько поразив аудиторию качеством своего английского, он полностью поддержал автора газетного материала, предполагавшего наличие в мире террористической организации куда более мощной и глобальной, нежели неоднократно упоминавшаяся на саммите «Аль-Каида». В дополнение к сказанному в статье он высказал предположение о том, что в подобную структуру вполне могут быть вовлечены всякого рода деструктивные, тоталитарные секты, в частности, сайентологи, ряд масонских лож, подобных некогда действовавшей в Италии ложе «П-2», а также криминальные сообщества подобные «Якудзе», «Триаде» и некоторым европейским и американским мафиозным группировкам. В подтверждение своих слов он привел факты ее деятельности на территории России. По мнению Смирнова, если в ближайшее время не будет нанесен удар по главным силам террористов – их финансовым и информационным структурам, – очень скоро возможны теракты, в сравнении с которыми одиннадцатое сентября может показаться детской забавой.

На язвительный вопрос из зала: уж не бред ли вероятность союзнических контактов между исламскими фундаменталистами и, например, оргпреступностью? – Алексей Юрьевич

напомнил об уже установленном европейским Интерполом весьма тесном взаимодействии косовской наркомафии с исламскими фундаменталистами в различных странах Западной Европы.

– ...Они могут даже ненавидеть друг друга, но еще больше они ненавидят легитимные общественно-политические структуры государств, которые препятствуют их деятельности, противодействуют расширению их внутри– и межгосударственной экспансии, – уравновешенно, без запала и надрыва, пояснял Смирнов. – Отсюда – стремление к поиску союзников, пусть и не вызывающих дружелюбия, но дающих шанс на то, что, создав общими усилиями Большой Хаос, они смогут стать доминирующей силой, владеющей всем миром. Как видите, ставки здесь более чем велики, а потому, как говорится, для них игра стоит свеч.

На еще один вопрос с многозначительным подтекстом – каким же образом русский предлагает наносить удары – он ответил, что прежде всего должны быть рассекречены вклады лидеров терроризма и мафиозных боссов, а также глав тоталитарных сект. Ведь до сих пор толком никто не знает, какими колоссальными средствами располагают подобные группировки и на что именно уходят их деньги.

– Сколь ни странным это может показаться, но терроризм во многом – следствие безграничной либерализации и толерантизации западного общества, а сейчас и России, – все так же сдержанно и убедительно заговорил Смирнов. – Кто пер-

вым воспользовался услугами обезличенных счетов в швейцарских банках, берущих на хранение любые капиталы, даже самого сомнительного происхождения? Правильно, люди, не живущие в ладу с законом. Что касается информации, то мы сами порой популяризируем злодеев. Чего ради на том же американском ТВ то и дело показывают видеообращения Бен Ладена? Он уже, по сути, стал звездой. Так что ж мы удивляемся, бездумно играя с огнем, когда он обжигает наши собственные руки?

К удивлению Гурова, мнение Алексея Юрьевича поддержали очень многие, в том числе и явные атлантисты. Поэтому его выступление получило как бы не самое шумное одобрение всей аудитории.

Во время перерыва, подойдя к Смирнову, Лев в шутку заметил:

– Слушая вас, подумалось, что, если будете баллотироваться в президенты, обязательно за вас проголосую.

– Лев Иванович!.. – сокрушенно покачал тот головой. – Нам ли толкаться у этого корыта? Не буду излагать всех тонкостей интриг «мадридского двора», скажу лишь одно: даже будь кто-то из нас с тобой семи пядей во лбу, к высшей власти нас не подпустят и на пушечный выстрел. К счастью, Лева, ты не знаешь всех тонкостей властной «кухни». Иначе давно стал бы запредельным пессимистом и кухонным брюзгой. Иногда о некоторых вещах лучше оставаться в неведении, чтобы не потерять вкуса к жизни и не утратить веру в

разумность этого мира.

– Алексей Юрьевич, что-то от ваших слов аж не по себе становится... – подойдя к ним, встрял в разговор вволю накурившийся Станислав. – Это что же получается, есть такие вещи, узнав которые сразу же утратишь и веру, и надежду?..

– Не обязательно... – усмехнулся тот. – Это зависит от того, насколько природа наделила тебя жизнелюбием. Кстати, должен вам сказать, что если бы, к примеру, американцы знали о своей политической «кухне» всё без исключения, то, уверяю вас, их психиатры были бы перегружены работой. И так везде и всюду. Вон, азиатские и особенно африканские страны... Это зачастую вообще беспросветный кошмар.

– Да, мрачноватая вырисовывается картина... – резюмировал Гуров.

В этот момент к ним подошла та самая молодая особа, которая в зале заседаний произвела на Стаса столь сильное впечатление. Поздоровавшись по-русски без намека на акцент, она представилась как корреспондент лондонской газеты «Дейли сити ньюс» Марина Хиллбоу.

– Вы русская? – улыбнувшись, поинтересовался Смирнов.

– Да, я родом из Москвы, закончила МГУ, – пояснила та. – Вышла замуж за лондонца и вот теперь живу и работаю здесь. Хотела бы взять у вас интервью.

– Давайте созвонимся после обеда... – немного подумав, предложил Алексей Юрьевич. – Пока обещать ничего не могу.

Взяв его телефон и поблагодарив за понимание, Марина направилась в конференц-зал. Глядя ей вслед, Крячко тягостно вздохнул.

– Мать его так! – неожиданно удрученно пробурчал он. – Всё эти тварюги-иностранцы прут из России... Вот, даже самых красивых женщин, и тех ухитряются заграбастать.

– Стас, а кто виноват, что наши парни в том же МГУ оказались не на высоте? – пожал плечами Смирнов. – Почему никто из них не смог добиться ее внимания, чего добился англичанин Хиллбоу? Тут, друг мой, виноватых искать не стоит. Как говорили встарь: не зевай, Фомка, на то она и ярмарка.

– А-а-а!.. – недовольно махнув рукой, Стас тоже направился в зал.

– Ну, все... – рассмеялся Лев. – Теперь до завтра будет ходить и бурчать.

...Работа заседания закончилась около часа дня. Прибыв в «Гринвичский меридиан», наши путешественники первым делом отправились все в ту же «харчевню». Обслуживавшая их стол официантка приветливо улыбнулась им, как старым знакомым, и приготовилась принимать заказ. Но прежде чем что-то успел сказать Алексей Юрьевич, просматривавший меню, его опередил Стас, который, к удивлению Гурова, спросил пусть и на ломаном, но вполне понятном английском вперемешку с русским:

– Сорри, вот из ёр нейм, леди? Май нейм из Станислав,

можно просто – Стас. Ай эм... Этот... как его? О! Шерлок Холмс! – Он изобразил, как будто что-то рассматривает через невидимую лупу.

– О! Ю а детектив (вы сыщик)? – улыбнувшись ему, уважительно удивилась англичанка. – Уэлл! Энд май неймз Кэт (Понятно! А меня зовут Кэт).

Девушка добавила что-то еще, но это было выше познаний в английском Стаса Крячко. С мученической гримасой он поспешил обратить свой взор в сторону Алексея Юрьевича. Тот, со свойственной ему деликатностью, не отрывая взгляда от меню, негромко произнес:

– Девушка спрашивает: ты приехал сюда по делам?

– А-а... – Стас с облегчением перевел дух. – Ай эм... э-э-э... турист. Май френд тоже детектив и тоже турист, – ткнул он пальцем в Гурова.

– Ну, все, ребята! Не будем отрывать Кэт от работы, – положив меню на стол, усмехнулся Смирнов и, к жуткой зависти Крячко, без малейшей натуги, чуть небрежно, где-то даже с оттенком «кокни», почти изящно сделал заказ.

Кивнув ему в ответ и чему-то улыбаясь, своей легкой походкой девушка быстро удалилась.

– Слушай, ты откуда английских слов нахватался? – вопросительно глядя на Стаса, с долей иронии поинтересовался Лев.

– Да пока ты на этом саммите всякую ерунду слушал... – О чем-то вспомнив, Крячко осекся и конфузливо покосился

в сторону Алексея Юрьевича, с невозмутимым видом рассматривающего здоровенный подвесной канделябр, сработанный в виде тележного колеса. — Ну, в общем, пока ты заседал, я малость поштудировал разговорник. Я его в своей комнате нашел и... Ну, подумал, что хоть немножко подучить английский не помешает.

— Приятно видеть, когда человек в хорошем настроении, — неожиданно посмотрев в его сторону, констатировал Смирнов. — А то я уж опасался, что из-за той встречи в «Британском содружестве» ты совсем скис. Кэт тебе очень понравилась?

— Ну, в общем-то, да... — неохотно признался Крячко и тут же взъершился, обернувшись к Гурову. — Только, Лева, не надо читать мне морали. Я с ней просто общался, и не более того. Каких-то «таких» дел не планировал и не планирую. Понял? — отчеканил он, свирепо уставившись в сторону приятеля.

Догадавшись, в чем подоплека такого выпада Станислава, Алексей Юрьевич негромко рассмеялся и вполголоса добавил:

— Никогда не говори никогда... Всякое бывает!

Он вдруг снова вспомнил Дебору, которую не видел уже около тридцати лет. Втайне от своих сопровождающих сегодня днем он пытался хоть что-то выяснить о ее судьбе. Позвонил по хорошо знакомому номеру, но оказалось, что по этому адресу теперь находится аптека. Единственно, что ему

удалось выяснить – страховая компания, в которой он некогда трудился, была поглощена другой, более крупной, и как юридическое лицо прекратила свое существование уже лет десять назад.

Вскоре Кэт принесла поднос с заказанными блюдами, и наши путешественники приступили к еде. Взглянув ей вслед, Смирнов мысленно отметил, что эта молодая англичанка чем-то и впрямь очень напоминает ему его Дебору. «Наверное, это общее сходство англичанок. Так же, как все русские женщины тоже чем-то похожи друг на друга...» – меланхолично резюмировал он.

Когда они вернулись в свой номер, почти сразу же зазвонил телефон. Подняв трубку и выслушав своего собеседника, Алексей Юрьевич согласно кивнул.

– Хорошо, – ответил он звонившему, – давайте встретимся там. Через полчаса устроит?

Приятели сразу же поняли, что это Марина.

– Сейчас едем на встречу? – глядя на Смирнова, спросил Гуров.

– Да я не знаю, парни... Не задержал вас? А то, может, съезжу один? Марина предложила встретиться в летнем кафе на берегу Темзы, – тот вопросительно развел руками.

– Алексей Юрьевич, если это не сугубо личная встреча, где посторонние и в самом деле ни к чему, то... – Лев, сделав паузу, продолжил: – То мы просто обязаны быть рядом. А насчет нашей усталости разговор вести не будем. Это для нас

норма – весь день на ногах.

– Наоборот, – рассмеялся Крячко, – если как следует не набегаешься, так и ночью потом не спится. Все кажется, чего-то не хватает.

– Ну, раз так, то поехали, – кивнул Смирнов. – Скажете тоже – «сугубо личная встреча»!.. Какие у меня могут быть встречи, если та же Марина, по-моему, только в вашу сторону глазами и постреливала... Кому нужен старый трухлявый пенёк, если рядом зеленеют два молодых крепких дубка?

– М-да-а... – окинув взглядом Алексея Юрьевича, с иронией протянул Гуров. – Я бы десять раз подумал, доведись помериться силами с таким вот «старым трухлявым пнем»...

Вновь спустившись в «трубу» подземки, они проехали несколько остановок, поле чего остаток пути проделали пешком. Трио наших путешественников шагало по набережной Темзы в сторону «Лондон Ай» – колеса обозрения «Лондонский глаз», глядя на ее широкий простор, на монументальные старинные здания, высящиеся по ее берегам, на бегущие по реке катера и глассеры, парусные яхты. Вдоль набережной, совсем как в Москве, с удочками стояли рыбаки, невзирая ни на какие уведомления санитарных служб о недопустимости лова рыбы в черте города... Над водой с пронзительными криками кружили чайки, время от времени ныряя в реку и вновь взмывая с рыбной мелочью в клюве. А еще поразило обилие водоплавающих – уток, гусей и даже лебедей, судя по всему, чувствовавших себя хозяевами этих вод.

Набережную, уходящую прямо в воду, ограждал каменный парапет, но кое-где далеко внизу линию берегового уреза покрывал мелкий разноцветный галечник, на который набегала речная волна. И справа, и слева по руслу, на обозримом расстоянии, над водами высились двух- и трехарочные каменные мосты, скорее всего, построенные еще в позапрошлом веке. Посредине реки вальяжно шли караваны прогулочных, пассажирских и грузовых судов – контейнеровозов, барж и сухогрузов, многие из которых явно годились бы и для мореходства.

Летнее кафе располагалось в одной из зон отдыха, где только изредка проезжали велосипедисты, а автотранспорту вообще путь был заказан. За столиками, стоящими под навесом, образующим что-то наподобие открытой веранды, для Лондона было не очень людно. Потребляя что-то прохладительное, освежающее, хрустящее, шелестящее, булькающее и всякое иное, предназначенное для услаждения вкуса гурманов разных возрастов, предавались приятному отдыху лондонцы и гости их столицы.

В углу, откуда открывался отличный вид на Темзу, за столиком сидела Марина, неспешно попивая кофе. Судя по всему, сюда она прибыла совсем недавно. Как и было договорено ранее, к ней направился один Смирнов, а опера, выбрав столик в некотором отдалении от них, сели так, чтобы им было хорошо видно и своего подопечного, и его интервьюершу.

Проходившему мимо официанту, судя по всему, взявшемуся подработать студенту, Лев заказал две чашки чаю с пирожными. Он уже знал, что Лондон – не Москва, здесь можно хоть сутки сидеть за одним лишь чаем, и никто не вздумает подойти и с нажимом поинтересоваться: что-нибудь еще заказывать будете?

Они со Стасом неспешно пили чай, потом заказали еще по чашке. А Алексей Юрьевич, сидя к ним спиной, что-то рассказывал Марине, глядя на Темзу. Так прошло примерно около получаса. Тому же пареньку-официанту, что принес чай операм, Марина, отвлекшись от разговора, вновь что-то заказала. Откровенно заскучивший Станислав полез в карман за сигаретами, но, вспомнив, что здесь курить нельзя, с разочарованным вздохом вынул руку из кармана.

Взглянув в сторону Смирнова и Марины, Гуров внезапно заметил, что в их сторону идет какой-то другой официант с подносом, на котором дымятся две чашки кофе. Темный цвет волос и восточные черты лица Льва сразу же насторожили. Он вскочил на ноги и поспешил вслед за ним. Крячко, торопливо отставив чашку с чаем, тоже помчался следом.

Официант, едва успевший поднять с подноса чашку кофе, удивленно замер, увидев перед собой рослого типа с весьма неласковым взглядом. Тут же с другой стороны подскочил еще один тип, тоже впечатляющих габаритов. Первый, остановив руку официанта, приказал ему на несколько ломаном, но вполне понятном английском:

– Отпей из этих чашек сам. Ну! – сурово нахмурился он.

Струхнувший официант стоял, переминаясь с ноги на ногу, не решаясь выполнить это требование. Он знал, что пить кофе ни в коем случае нельзя. Но как быть, если этот тип приказывает, а убежать гарантированно не получится?

– Если ты сейчас же не отхлебнешь из этих чашек, я сам обе вылью тебе в рот! Понял? – по-русски пригрозил второй, но официант понял смысл сказанного и без перевода.

Решив «сыграть в поддавки», с делано оскорбленным видом он отпил из одной чашки, а из другой набрал кофе в рот, надеясь, что те опасные капли, которые только что им же были добавлены по приказу Босса, на него в таком случае подействовать не смогут. Ну а минуту спустя, отойдя за угол, он сможет без вреда для себя вовремя его выплюнуть. Однако парень жестоко ошибся. Почти сразу же в его голове все заволочло каким-то туманом, внезапно ослабевшие ноги подогнулись, и он, выронив чашку, разом исчез из этого мира, с громким стуком повалившись на пол.

В кафе мгновенно наступила тишина, многие посетители вскочили из-за столиков. Поднялись и крайне удивленные Алексей Юрьевич и Марина. Девушка широко раскрытыми глазами глядела на распростертое на полу тело официанта и, переведя взгляд на Льва, чуть слышно прошептала:

– Он мертв?! Что он выпил?

– Кофе, приготовленный для Алексея Юрьевича, – спокойно пояснил тот. – Видимо, туда было что-то добавлено.

– В жизни не подумала бы, что в Лондоне такое возможно!.. – ошеломленно прижав руки к груди, произнесла Марина и обессиленно опустила на стул. – Алексей Юрьевич, надеюсь, вы не подумали, что это... что...

– Нет, нет, Мариночка, не волнуйтесь, ничего такого я о вас не подумал, – ободряюще улыбнувшись, поспешил заверить Смирнов.

Обернувшись к прибежавшим во главе с пожилым англичанином бармену-индусу, судомойкам-китайкам и поварам-мулатам, он коротко распорядился:

– Надо вызвать полицию. Этот человек – террорист, замышлявший убийство.

– Есс, есс! – закивал хозяин кафе, спеша к телефону.

Прочие, недоуменно переговариваясь меж собой, не двигались с места, рассматривая только что представившегося. Как явствовало из реакции obsługi, случившееся ее не на шутку шокировало.

– Раньше вы его видели? – спросил Лев у персонала кафе.

Те жестикулирующей и мимикой дали понять, что этого человека они видели впервые. Общение с ними Алексея Юрьевича оказалось более результативным. По словам повара, неизвестного он заметил еще четверть часа назад, но подумал, что это новичок, только что принятый на работу в помощь Гарри, студенту расположенного неподалеку фармацевтического колледжа.

– А где же тогда сам Гарри? – вопросительно посмотрев

на персонал, спросил Смирнов.

Сразу двое, сорвавшись с места, помчались куда-то в сторону кухни и бытовых. В этот момент в кафе вошли двое полицейских и несколько штатских. Почти сразу же следом за ними вбежали врачи «Скорой». Старший по чину «бобби», строгий и преисполненный значимости своего служебного долга, сразу приступил к выяснению обстоятельств случившегося. Алексей Юрьевич сообщил, что сделал заказ официанту-англичанину. А когда заказ доставил совсем другой человек, его личные охранники из опасения, что кофе может оказаться слишком горячим – таковой ему запретили пить доктора, – попросили официанта, чтобы тот продегустировал кофе сам. И вот такой совершенно невероятный финал.

Тем временем врачи, проверив дыхание и пульс официанта, сообщили, что тот уже даже не клинически, а биологически мертв. Следом за этим из кухонного блока вернулись судомойка и помощник повара. Из их сбивчивых слов явствовало, что Гарри они нашли связанным, в бессознательном состоянии. Врачи, собиравшиеся уходить, поспешили к молодому официанту. С ними отправился и второй «бобби» с сержантскими нашивками. Только теперь стало ясно, что неизвестный, пробравшись в бытовой блок, оглушил Гарри и, надев рабочую накидку студента, вместо него понес кофе Смирнову и Марине. Скорее всего, он же добавил в напиток и сильнодействующий яд.

– Сэр, а вы уверены, что эти джентльмены каким-то обра-

зом не принуждали умершего попробовать кофе? – наблюдая за работой экспертов, занимающихся «официантом», спросил тот же полицейский чин.

– Разумеется! – Алексей Юрьевич изобразил руками убедительный жест. – Это могут подтвердить все, кто здесь находился. Они всего лишь предложили отпить из обеих чашек, и только. Разве в этом есть что-то предосудительное?

– Хм... Сэр, и вы после дегустации кофе посторонним человеком стали бы его пить? – с сомнением воззрился бобби.

– Ну а как же! – Смирнов недоуменно развел руками. – Что в этом такого? Я из России, а у нас это обычное дело, называется «снять пробу». У вас разве повара не пробуют приготовленную ими пищу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.